

Установившиеся интересы, практические альтернативы российских реформ

В конце апреля этого года состоялась международная научная конференция "Российские реформы: установившиеся интересы и практические альтернативы". Блистательные имена мировой экономической науки, экономические советники многих правительств, первые лица президентских и правительственных структур, члены Госдумы — все это было представительно, солидно и интересно, но за плечами экономической науки, сухого языка цифр и осмысления фактов стояла политика. Эпоха научного осмысления российских реформ, и это было заметно на конференции, подходит к концу. Уже ясно как, но совершенно, и по-прежнему, не ясно, кто будет последовательно и осмысленно проводить экономическую политику. И, пожалуй, самое примечательное на этой конференции, что в одном зале встретились политические лидеры демократического блока и впервые мы услышали пробу сил, голоса, попытку определить свой предвыборный демократический пафос. Ощущение начала предвыборной кампании чувствовалось и в этом зале, далеко от избирателей. Ни профессора М. Олсон, Д. Сакс, Р. Лэрд не были так интересны, как оппонировавшие друг другу Е. Гайдар, Г. Явлинский, Б. Федоров, С. Глазьев.

Редакция "Открытой политики" предлагает читателям фрагменты выступлений на конференции, которые, на наш взгляд, дают представление о ходе и атмосфере дискуссии, которая шла три дня под крышей гостиницы "Аэростар".

Егор Гайдар, депутат Госдумы, директор ИЭПП, доктор экономических наук: Я сегодня вынужден буду отстаивать скучную позицию правильного и банального применительно, правда, к такой области, как российская экономика.

Это вторая конференция. Первая проходила, если мне не изменяет память, в прошлом году весной. И тогда, на прошлой конференции, я довольно подробно пытался доказать, почему основные, уже известные зависимости между денежной массой и процентной ставкой, валютным курсом, долей денег во внутреннем продукте и ростом потребительских цен, более долгосрочных кредитов... в общем, так или иначе работают в постсоциалистических экономиках, в том числе и в российской. В 1991 году, скажем,

это была очень смелая гипотеза, которую можно было обсуждать теоретически, но невозможно было доказать. Скажем, я был сторонником этой гипотезы, а многие были ее противниками. В общем, это предмет, который может разрешить только время.

На мой взгляд, к весне 1994 года этот вопрос как научно интересный перестал существовать. Выявились стандартные лаги, выявились стандартные зависимости у нас и в других восточноевропейских странах. И ответ на этот вопрос оказался позитивным. Присутствующий здесь Ричард Лэрд уже успел написать учебник по макроэкономике, дав иллюстративный материал по России. Ну, скажем, как бы эта дискуссия перешла из области серьезного научного обсуждения в

область изучения в университетах.

Тем не менее в 1994 году наше правительство попыталось еще раз проверить правильность этих построений на практике, когда с апреля (как раз после нашей конференции) резко ускорило темпы роста денежных масс. Ну, я не буду рассказывать то, что было в 1994 году.

Осенью 1994 года, на мой взгляд, произошел очень важный поворот в сознании российской элиты, влияющий на процесс принятия экономических решений. То есть тот объем знаний, который обычно получает студент к пятому курсу из учебников, они на опыте проб и ошибок, за которые мы довольно дорого заплатили, наконец получили. И, как бы получив его, начали приспособливать к этому собственную политику. Попросту говоря, с

Установившиеся интересы, практические альтернативы российских реформ

октября 1994 года для правительства Черномырдина было ясно, что есть две реальные альтернативы: либо продолжать политику вливания и тогда не иметь никаких шансов вовсе, или второе — все-таки попытаться встать на путь гораздо более решительной антиинфляционной политики, который будет сложней, но дает некие шансы на успех.

Правительство встало на второй путь, оно выбрало правильное решение.

Джеффри Сакс, профессор Гарвардского университета, был в 1991—1994 гг. руководителем группы советников президента РФ: Я хочу сказать несколько слов об экономических перспективах для России.

Я полагаю, что у России есть все возможности сократить темпы инфляции. В 1992 году стабилизировать валюту было практически невозможно, потому что одна и та же валюта имела хождение во всех республиках, что для России имело катастрофические последствия. Затем эта тенденция прекратилась, и Россия наконец впервые получила свою валютную независимость. В 1993 году Россия уже могла стабилизировать валюту. Но, к сожалению, тогда произошел конфликт между политическим руководством.

Все еще был Центральный банк, который считал, что для того, чтобы снизить инфляцию, нужно иметь больше денег, а не меньше. И потребовалось еще два года, прежде чем это изменилось.

Сейчас Россия является хозяйкой собственной судьбы: у нее есть своя национальная валюта, у нее есть примеры, которые, может быть, понадобятся для ее безопасной политики.

Если вы хотите иметь безопасную и надежную политику, посмотрите на Чехию, на Эстонию, на Латвию, на Литву. Они не говорят о структуре, они говорят о том, чтобы контролировать поступление денег. Каждая из них уже вышла за рамки экономической теории. Это самая хорошая новость на сегодня. Идеи ясны. И поэтому ситуация в России в большей степени находится в ее руках, чем когда бы то ни было раньше. Становится совершенно ясно, что инфляция в России будет сокращаться, ниже 5 процентов в месяц через два—три месяца. И тогда возникнет вопрос: сможет ли Россия сохранить ее на низком уровне? Вспомните 1994 год. Это, казалось, уже произошло. И, тем не менее, правительство склало: ничего, еще одно увеличение кредита, август 1994 года — еще

раз. И позже, через два месяца, наступил "черный вторник". Те же самые желания вновь играть в эти игры. Но нужно иметь больше самоконтроля. Это — год выборов. Летнее время — это всегда самое ужасное время для монетарного контроля в России. Весна всегда проще. Но я бы сказал, что шансы лучше сейчас, чем когда бы то ни было.

Сергей Глазьев, депутат Госдумы, председатель Комитета Госдумы по экономической политике, доктор экономических наук: Макроанализ показал, что переход к рыночной экономике носил шоковый характер фактически во всех сферах самоорганизации общества. Были разрушены система распределения ресурсов и система экономических заказов, была разрушена система контроля за экономическим поведением хозяйственных инструментов, была разрушена система обеспечения правопорядка и была разрушена система права, на которую опиралась собственно хозяйственная деятельность.

Расчет был на то, что моментально должны включиться механизмы рыночной самоорганизации и они должны были восполнить тот вакуум, который возник в результате развала режима политической и хозяйственной власти.

В материале использованы фотографии Виктора Ярошенко

Но для того, чтобы рыночная самоорганизация немедленно (под словом "немедленно" я подразумеваю один—два года) привела к повышению экономической эффективности и к экономическому росту, необходимо, чтобы реализовывались соответствующие экономические предпосылки. Для этого необходимо, чтобы была обеспечена система рыночной конкуренции, отбраковывались неэффективные механизмы и образцы рыночного поведения. Необходимо, чтобы работала система ответственности за исполнение кадастров, то есть работала рыночная дисциплина. Необходимо, чтобы было более-менее экономическое равновесие, то есть соответствие структуры предложения и структуры спроса, которое позволяет относительно легко контролировать макроэкономическое равновесие путем корреляционных и довольно простых коэффициентов... и контроль за информацией.

Совершенно очевидно, что сами собой все эти предпосылки не могут сложиться. Для этого должны работать соответствующие институты права, должно работать соответствующее гражданское законодательство и работать механизм, который бы обеспечивал выполнение хозяйственной организации. Должна работать судебная система разрешения всевозможных хозяйственных споров. Должна работать, наконец, идеологическая система ценностей, которая определяет структуру мотивов предпринимательского поведения, которая включает в себя соответствующую общепринятую систему норм и стандартов и наличие механизмов, которые регулируют соответствие предпринимательского поведения общепринятой системе норм и стандартов. Должна работать специализированная процедура рыночного поведения.

Григорий Явлинский, депутат Госдумы, председатель Центра по экономическим и политическим проблемам: Я снова, как сказал Егор Тимурович Гайдар, буду говорить о банальных вещах. Я скажу также и то, что для меня все

время остается загадкой: является ли человек, который много лет повторяет, что дважды два — четыре, тупым или принципиальным. На этот вопрос я до сих пор не имею ответа, поэтому я тоже вынужден говорить о некоторых банальных вещах.

Банальность этих вещей заключается, в частности, в том, что действительно существуют зависимости между целым рядом макроэкономических показателей, которые были сегодня здесь названы. Но банальностью является также и то, что условия, в которых мы ведем свои реформы, и особенности нашей страны очень серьезно искажают характер этих связей и характер этих зависимостей. Есть факторы в нашей экономике, которые исключительно существенно меняют последовательность событий. Наша экономика никогда не была повреждена централизованным планированием, как экономика Польши, Чехии, Словакии, Восточной Германии, Венгрии, Румынии или Болгарии. Наша экономика была создана централизованным планированием. Она имеет совершенно другие базисные принципы и совершенно другие зависимости, которые в течение многих десятилетий (почти 80 лет) создавались в нашей экономике. Мы получили их в том виде, в котором они настойчиво создавались в течение многих лет.

Элементы монетарной политики, о которой здесь шла речь, или сама идея монетарной политики бесспорны в том отношении, что это некоторая часть всей нашей экономической политики, очень важная, принципиально существенная, но все же лишь часть. И она сегодня еще более часть, чем она будет потом, когда институциональная структура нашей экономики, я надеюсь, изменится.

Методы и способы макроэкономического регулирования, которые натываются в наших условиях на такие обстоятельства, как отсутствие банкротств и санация предприятий как массового процесса, от-

сутствие действительно крупных частных предприятий и, если хотите, крупного частного сектора в стране, а также отсутствие конкуренции, по существу, не могут быть успешными.

У нас нет банкротств, потому что на самом деле у нашего правительства, у нашего президента не было и нет политической возможности проводить в нашей стране банкротства, адекватные той жесткости финансовой политики, которую мы хотим осуществлять. У нас до сих пор нет частной собственности как сектора экономики, потому что у президента страны и у правительства не было и нет достаточной политической воли, чтобы этот сектор создавать. Именно поэтому мы пошли по пути ваучеров, который осуществил коллективизацию нашей промышленности, и перед нами теперь только стоит задача создать действительно частный сектор и определиться в том, какие предприятия действительно принадлежат государству и какие предприятия на самом деле принадлежат частному сектору. У нас нет конкуренции, потому что у нас нет политического интереса в том, чтобы в стране была конкуренция, потому что наша власть действительно базируется на сверхмонополизме, а государство действительно является на сегодняшний день все более и более корпоративным, олигархическим, если говорить об экономике. И оно не заинтересовано во введении какой-либо существенной конкуренции в наших условиях.

При такой ситуации, применяя монетарную политику как главный инструмент, мы всегда будем находиться в промежутке между пятью процентами инфляции в месяц и ее, инфляции, редкими всплесками. До тех пор пока мы не изменим в комплексе весь подход, оставляя, конечно, важное значение за макроэкономическим регулированием, но понимая, что оно не сработает при этих условиях, до тех пор мы и будем находиться в этом замкнутом круге.

Мы снова можем ожидать очередного снижения инфляции летом и

Установившиеся интересы, практические альтернативы российских реформ

перехода на высокий уровень инфляции в конце лета и начале осени.

В результате опять несколько смягчится проблема снижения промышленного производства. Однако темпы инфляции снова станут двузначными, и проблема неплатежей опять зависнет между некоторым уменьшением платежей и их новым нарастанием после очередной попытки перехода к жесткой финансовой политике.

Я думаю, что 11 октября прошлого года должно было стать очень существенным уроком для размышления на эту тему. Но оно не стало таковым. И запрограммированная политика нас снова приведет к выбору между этими двумя полюсами.

Леонид Полищук, научный сотрудник центра IRIS, доктор экономических наук: Если обратиться к российской экономической реформе, то с 1992 г. ее краеугольным камнем было высвобождение рыночных сил, широкомасштабная экономическая либерализация в России. Возникший в результате рынок, однако же, страдает целым рядом существенных дефектов. Чтобы обнаружить эти дефекты, имеет смысл вспомнить: а чего, собственно, мы ожидаем от рынка как средства распределения экономических ресурсов? Выясняется, что рынок должен осуществлять три основные функции. Во-первых, раскрепостить экономических агентов, дать им свободу рук. Во-вторых, снабдить их необходимой информацией для принятия индивидуальных решений, информацией о рыночном спросе, об издержках. И как хорошо известно, такую информацию должны передавать цены, во всяком случае цены конкурентные или близкие к ним. Наконец, в-третьих, полнокровный рынок должен обеспечить экономических агентов возможностью адекватной реакции на поступающую информацию. Если выясняется, что ресурсы, которыми располагают участники рынка, используются неверным образом, необходима возможность двигать эти ресурсы между отраслями, сферами деятельности, предприятия-

ми, регионами. Эта задача решается с использованием рынком факторов производства, рынка труда, рынка капитала, если угодно, рынка земли.

Обращаясь к российской ситуации, следует признать, что наш рынок весьма удовлетворительно справляется с первыми двумя задачами, а именно: предоставить свободу и сигнализировать. Причем очень часто сигналы, которые получают российские производители, можно суммировать следующим образом: так дальше жить нельзя. Мы имеем сейчас беспрецедентные искажения экономической структуры в России, полученные после семи десятилетий планирования.

Что касается рынка факторов производства, то такие рынки в России развиты в совершенно неудовлетворительной степени. И это не является исключением. Все страны с развивающейся экономикой с институциональной точки зрения, сталкиваются с такого рода проблемами: рынок труда блокирован или парализован; отсутствует рынок жилья; отсутствует возможность для ипотечных служб, отсутствуют доступные в общенациональном масштабе системы социальной поддержки и защиты; неадекватный подход к безработице; административные барьеры. Рынок капитала подорван очень значительной инфляцией, политической нестабильностью или ожиданием политической нестабильности, низкой защитой прав собственности и целым рядом других причин.

Само по себе отсутствие этих рынков может оказаться существенным в различной степени в зависимости от глубины и количества диспропорций. В Российском государстве эти диспропорции гигантские, и в результате экономический потенциал страны используется совершенно неудовлетворительным образом.

Более того, эта ситуация порождает новые диспропорции, примером которых может служить концентрация финансового капитала в Москве, когда остальные регионы этого не имеют.

Хуже того, угроза перераспределения и экспроприации отрывает стимулы производства у тех, у кого такие намерения или такие возможности имеются.

Совершенно ясно, что преуспеть в перераспределительной деятельности в одиночку невозможно. И таким образом естественным становится формирование различного рода групп и структур, которые облегчают перераспределительную борьбу. Будь то в виде кланов, лобби, будь то в виде мафиозных структур, будь то в различного рода финансовых институтах.

Совершенно ясно, что, коль скоро такие группы возникают, возникает спрос на лидерство. Этот спрос в большой степени соразмерен с предложением лидеров перераспределительных движений.

В российской экономике доступ к традиционной предпринимательской деятельности очень часто перекрыт. И в результате многие потенциальные, продуктивные предприниматели становятся предпринимателями перераспределительными.

Что происходит? Происходит следующее. Во-первых, структурные перестройки в российской экономике оказываются не то чтобы полностью заторможены, но протекают очень медленно и вяло. Очень часто они протекают в форме отмирания предприятий, которые не справляются с рынком, появление новых предприятий, которого следовало бы ожидать, происходит в совершенно неадекватных масштабах.

Я бы хотел подчеркнуть следующие фундаментальные различия. Здоровая экономика, здоровая экономическая реформа требуют колоссального перераспределения производственных ресурсов, труда, капитала и т.д. В России этого не происходит. В России происходит соразмерное по масштабам колоссальное перераспределение созданного продукта, который производится в небольшом количестве сперва в экономике, а затем так или иначе перераспределяется между участниками производства.

Экономический либерализм сам

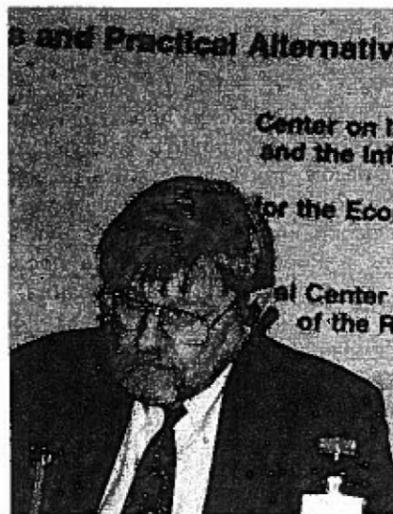
по себе, если он не опирается на адекватный институциональный фундамент, оказывается не только не способным достичь поставленных перед ним целей, он оказывается просто нежизнеспособным, даже если он рассматривается как ценность сам по себе. Он оказывается нежизнеспособным по той причине, что государство так или иначе возвращается в экономику, но возвращается в уродливой, извращенной форме, в форме бюрократического рынка, поскольку большая часть перераспределительных процессов в России так или иначе совершается через государство.

Представим себе, что уже большая часть частной собственности контролируется определенными группами. Где уверенность в том, что такие группы выскажутся за защиту прав собственности в национальном масштабе, вместо того чтобы сохранить возможность дальнейшей экспансии.

В чем представляется выход? С моей точки зрения, он совершенно недвусмыслен. Российское государство должно вернуться в экономическую реформу, вернуться в качестве сильного, уверенного ведущего исполнителя, ведущего агента экономической реформы, но в отличие от многовековой традиции России, когда государство практически повсеместно выступало в качестве заместителя рынка, государство должно войти в российскую реформу в качестве строителя рынка, в качестве создателя рыночных институтов, в качестве целенаправленного создателя того, что необходимо для того, чтобы российская экономика, наконец, справилась с задачей структурной перестройки.

Мансур Олсон, доктор экономики, председатель IRIS, почетный профессор экономики в университете штата Мэриленд, в прошлом — президент Южной и Восточной Ассоциации экономистов, вице-президент Американской ассоциации экономистов: Мне кажется, что нет смысла ставить амбициозные задачи государству, если оно не может выполнить свои основные требова-

ния: обеспечение порядка и т.д. Одним из результатов этого является сильный рост неформальной экономики. Но это не уникальная проблема только для России — слабость государства. Это ведь было большим недостатком в стратегии

политики индустриализации во многих развитых странах. Это первое, что я хотел подчеркнуть.

Второе имеет более основополагающее значение, а именно: мне кажется, что существует некий дефицит в политической воле. Было много разговоров на мой вкус, особенно со стороны г-на Глазьева и г-на Явлинского, о предпосылках. Мне кажется, может быть, недостаточный упор делался на творческую роль политического предпринимательства. И мне это напоминает замечательный марксистский анализ капиталистического кризиса на Западе в 70-х годах, который был просто блестящий с точки зрения исторических предпосылок, почему так пошло и почему произошел кризис. Но появились потом Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, и они что-то сделали, они вернули, что политические лидеры должны творчески решать эти проблемы и не всегда должны ждать развития производительных сил и т.д.

И вот меня интересует, может быть, это происходит в результате слишком большой доли марксизма

в интеллектуальном образовании людей, которые здесь выступали?

Третье. Очень много говорят о структурах. Но самые важные структуральные реформы не упомянуты сегодня, а именно: каким образом решаются социальные функции в ситуации кризиса, скажем, в области жилья, пособий по безработице. Я всегда думал, что если это возможно сделать, то тогда ваш прогресс будет гораздо более быстрым в направлении создания конкурентной рыночной экономики.

Борис Федоров, депутат Госдумы, председатель подкомитета по денежной политике и деятельности ЦБ, доктор экономических наук: В 1993 году, когда я пришел в правительство, самая большая проблема у нас была даже не в том, есть ли у правительства программа или ее нет. Конечно, ее не было никогда. Ну, печатались отдельные тома. Писал профессор Ясин программы для нашего правительства. Возможно, их кто-то читал, иногда обсуждали на заседаниях правительства. Но на самом деле шел вопрос о том, будут ли приниматься конкретные меры в конкретных сферах и удастся ли их провести в условиях той политической ситуации, которая была. И одна из главных проблем была забрать в бюджет как можно больше, с тем чтобы государственные деньги проходили через министерства. И эту проблему удавалось решать. Или, допустим, остановить кредиты странам СНГ, которые раздавались направо и налево, миллиарды долларов. Иногда с использованием нецивилизованных методов удавалось их сократить очень резко. Или импортные дотации, когда страна, находящаяся в экономическом кризисе, продолжала дотировать импорты за границей многих товаров, которые производились в стране. Это были большие деньги. Это миллиарды долларов, которые удалось сэкономить. Мы вошли в 1993 год с инфляцией в тысячу процентов и процентными ставками 80% в год. И совершенно очевидно, что одна из задач была привести в соответствие структуру

Установившиеся интересы, практические альтернативы российских реформ

процентных ставок, чтобы хотя бы сбербанки могли зарабатывать чуть больше, чем съедала инфляция, чтобы сбережения людей прекратили исчезать, потому что если нет сбережений, то нет денег для инвестиций.

Все это проходило с трудом. Но, к сожалению, большинство из тех вещей, которые можно назвать реформами, потому что это были изменения в экономическом механизме, в конкретных отраслях (угольное постановление в середине лета и многие другие), они происходили зачастую вопреки воле людей, пробивать их приходилось со страшным трудом. И, как правило, большой поддержки на самом деле не было.

И конец 1993 года тоже показателен, потому что у нас 4 месяца не было распределения обязанностей в правительстве России, никто не знал за что кто отвечает. Вдруг начинают идти проекты, которые совершенно абсурдны, как, допустим, денежный союз с Белоруссией и тому подобное. И контролировать все это было очень трудно. Каждое соглашение с каждой республикой бывшего Советского Союза возникало внезапно. Как гриб вырастает, его вырываешь, а уже следующий где-то растет. Кто-то с кем-то встретился, поговорил, чайку попил, и происходит какой-то новый экономический шаг. Хотя были и конкретные мероприятия, которые

можно было назвать реформами. Но потом наступил 1994 год. Я все хотел узнать, что же конкретно в 1994 году сделано, что можно было бы назвать реформами, чтобы кто-то составил список того, что происходило. Естественно, такого никто не может сделать. Деньги тратились. Периодически происходили выплески. На самом деле очевидно (и статистика это показывает, и любые графики), что сколько денег, условно говоря, напечатали — такая и инфляция. И никто обратного доказать сегодня не может, как бы ни хотел. И монетизация нашей экономики уже к 1994 году и тем более сегодня достигла очень высокого уровня.

Нас до сих пор обвиняют, говоря, что в 1993 году искусственно сдерживали курс рубля. Вот в 1992—1993 гг. доллар в России ослабевал. Это был объективный процесс. Мы никого не поддерживали, никаких искусственных мер не было. И все происходило потому, что была экономическая политика. А в 1994 году ее не стало. Инфляция и падение курса стали одинаковыми. Бюджет развалился. Перенесли на конец года такие расходы, о которых мы в 1993 году и мечтать не могли. 55 процентов за счет эмиссии профинансировали. И, тем не менее, кто-то считал, что это реформа. Даже когда все взорвалось, когда начался валютный кризис, когда в конце года инфляция вновь подскочила, заговорили о четвертом этапе реформ.

Если в начале 1994 года, после выборов, когда некоторые в правительстве, да и в стране, решили: вот теперь все, теперь можно с экономическим романтизмом покончить, инфляция в России, оказывается, носит инерционно-колебательный характер, с ней можно бороться не монетарными методами. Вы помните эти интервью премьер-министра Черномырдина? Потом он, правда, забыл о своих обещаниях. Потом вместо денег из бюджета стали давать казначейские обязательства, и научным институтам уже в Москве дают эти бумажки вместо денег.

Разве это политика? Разве это реформы?

Наступает 1995 год. Делается очень жесткий бюджет. Инфляция, которая заложена, уже пройдена. С сегодняшнего дня в России должна быть нулевая инфляция, чтобы выполнить тот бюджет, который принят. Будет это? Кто-то в это верит? Никто в это не верит, потому что это невозможно. И в этом с Явлинским трудно не согласиться, что бюджет никогда не будет выполнен. Сегодня отменяются внешнеэкономические привилегии. То, о чем мы с Сергеем Юрьевичем говорили активно в 1993 году (и здесь я его абсолютно поддерживал всегда). Но кто, извините, эти привилегии создал? Их создал Б.Н.Ельцин вместе с В.С.Черномырдиным, и он же их и отменяет. Такая победа: сами приняли, сами отменили.

Главная задача на сегодняшний день — это очень быстрая стабилизация. Не разговоры про один процент в месяц в конце 1995 года или тем более в 1996—1997-м, а конкретно, когда начнется стабилизация? Когда будет подъем производства? И где налоговая реформа? Где меры по стимулированию инвестиций? Где меры по стимулированию сбережений? К сожалению, всего этого нет.

В конечном итоге все сводится к политической воле и к осознанию властями того пути, по которому мы идем. Есть видение того, какое общество строится? Я говорю, естественно, о политической системе. Пока мы двигались от Верховного Совета, который боролся за власть и который плохо кончил, к парламенту, от которого исполнительная власть совсем не зависит. Как будто выборы в стране проводятся ради того, чтобы в парламенте создать несколько групп. Любые выборы должны вести к тому, что изменяется правительство. Кто знает, если в конце 1995 года у нас пройдут выборы, будет ли у нас новый премьер-министр? Я лично в этом не уверен.

Мы живем в очень странном государстве, когда под реформаторско-демократическими лозунгами к

власти приходят люди, которые, на мой взгляд, в своей массе не являются ни демократами, ни реформаторами, которые желаемое выдают за действительное, которые очевидно решают только одну задачу — удержать эту власть еще несколько месяцев.

Это путь в никуда. Пока советская система будет продолжать действовать под демократической, реформаторской и какой другой личиной, результаты будут такими же, как сегодня. И тогда в 1996 году, не знаю, будут выборы или нет, мы начнем пятый этап стабилизации.

Еще одна важная проблема. Совершенно очевидно, что у большинства российского населения реформы ассоциируются с высокой инфляцией, преступностью, мафней, грязью на улицах и полным развратом. Пока такое восприятие реформ есть, очень сложно будет добиться результатов.

Егор Гайдар: В сущности, со всем, что говорили наши уважаемые экономисты, можно согласиться, потому что все, что они говорили, было правильно.

Поэтому мне скучно спорить с тем, с чем спорить не хочется. Я бы обратил внимание на несколько обстоятельств, как бы вселяющих в меня дополнительный оптимизм. Первое. Иногда возникает такое впечатление, что коррупция, отличающая все молодые рыночные экономики, — это небывалая вещь, которая случилась только в России

и блокировала всякие надежды на экономические реформы.

Чудо быстро растущих рыночных экономик отличается очень развитой коррупцией государственных аппаратов.

Я имел честь обсуждать проблемы японского экономического роста со многими крупными политическими деятелями Японии, включая нескольких премьер-министров, которые руководили этим ростом. И они в один голос мне говорили, что я недооцениваю роль коррупции в теневой экономике на заре японского экономического чуда.

Короче говоря, это может нравиться или не нравиться. Мне, например, коррупция очень не нравится. Я считаю ее страшным злом для России. Это отвратительное, мерзкое явление. Но, тем не менее, мы должны понять одну неприятную штуку: коррупция сама по себе не останавливает экономический рост. Она вредна для экономического роста, она, без всякого сомнения, вредна для государства, но, в общем, экономический рост возможен и в условиях административной с высоким уровнем коррупции. Это первый как бы неприятный, политически невыгодный вывод. Я бы не хотел идти с ним к избирателям и говорить им, что на этом мы будем строить нашу избирательную кампанию. И, тем не менее, мы должны сегодня это осознать.

Второй вывод, на мой взгляд, совсем банальный и, тем не менее, правильный, связан с тем, что, конечно, коррупция теснейшим образом связана с административной рентой и с искусственным государственным регулированием. Это всем известная вещь, особенно после работ, в которых объем теневой экономики, как известно, рассчитывался исходя из объема избыточного регулирования (я, естественно, имею в виду классические работы по турецкой и индийской экономике). Для меня после моего опыта работы в правительстве это стало как бы фактом, не подлежащим обсуждению. Я теперь точно знаю, что когда ко мне приходят люди и предлагают ввести

то или другое государственное регулирование, то в подавляющем большинстве случаев они точно знают, кто от этого государственного регулирования будет получать реальные деньги.

Я помню замечательную историю в 1993 году, как мы вместе с Борисом Федоровым отменяли экспортные квоты на вывоз древесины. К этому времени у нас были огромные проблемы на внутреннем рынке с реализацией древесины. На нее не было явного платежеспособного спроса. Недостаток платежеспособного спроса древесно-лиственных пород приводил к огромным финансовым проблемам в лесном комплексе и к падению производства. Как в такой ситуации можно было объяснить необходимость сохранения квот на экспорт древесины, для меня, как человека не совсем искушенного, было непонятно. Поэтому я эти квоты отменил. Несколько раз я собирал у себя совещания и спрашивал уважаемых коллег, наставивших на введение квот в отраслевых министерствах и МПС: объясните мне, пожалуйста, напишите на бумажке, для чего нужны эти квоты, если у нас избыток древесины. Я ни разу не получил ни одного вразумительного ответа. И, тем не менее, не успев уйти из правительства, я узнал, что эти квоты восстановлены.

И таких примеров можно привести бесконечное множество. Они все подтверждают банальную истину: колоссальный источник высокой коррупции в условиях раннего нестабильного рынка — это, конечно, неэффективность работы рыночных механизмов, потенциально огромные прибыли, с этим связанные, и возможность извлечения административной ренты в крупных масштабах. Высокая инфляция, низкая процентная ставка, распределяемые кредиты — источник коррупции. Закрытая экономика, квоты — источник коррупции. Индивидуальные налоговые льготы и льготы по импортному тарифу — источник коррупции. Средства, которые даются на государственные закупки сель-

Установившиеся интересы, практические альтернативы российских реформ

хозпродукции, сегодня крупнейший источник коррупции. Притом, что аграрное лобби в значительной степени сегодня обслуживает интересы сугубо как бы не аграрного сектора (аграрный сектор для него является прикрытием, идейной базой, под предлогом которой они выбивают деньги), а суть, задача совсем другая — это отвлечение денег в множественные коммерческие структуры, которые вкладывают их в ту же самую валюту. Эта тенденция прекрасно прослеживается и в регионах, и на федеральном уровне, практически повсеместно.

То обстоятельство, что коррупция прямо пропорциональна количеству чиновников в обществе и прямо пропорциональна количеству конфискационных прав, которые у них есть, опыт последних трех—четырёх лет очень убедительно подтвердил. Так что в общем ясны стратегические направления, как с этим бороться. Мы должны удержать курс на последовательное дерегулирование экономики там, где регулирование слишком очевидно связано с коррупцией, мы должны провести серьёзную реформу государственного аппарата, который сегодня у нас является феноменальным, потому что он продолжает как бы пытаться выполнять прежние ничемные функции и одновременно не может научиться выполнять те, которых жёстко требует сегодняшняя жизнь. Вот, скажем, мне, как премьеру, объяснить, чем занимается Комитет машиностроения, абсолютно невозможно. Я не знаю. Я не знаю, чем занимается Комитет по химической промышленности.

Короче говоря, в чем я абсолютно согласен с Борисом Федоровым, что реформы системы государственного управления должны сделать его адекватным нынешним задачам, существенно более компактным, ликвидировать то огромное количество органов, которые достались нам по наследству.

Анатолий Чубайс, первый вице-премьер правительства РФ: Снижение инфляции, о котором я часто говорю, неизбежно вызовет тяже-

лые последствия в целом в банковской системе, и нужно быть готовым к весьма и весьма болезненным процессам, в том числе к неизбежному банковскому банкротству, которые будут новым и тяжёлым элементом в экономической и политической жизни России начиная с середины этого года.

Неизбежно обострится ситуация с безработицей, которая станет крайне острой в некоторых регионах.

Ну, и наконец, пожалуй, самой крупной и самой тяжёлой проблемой будет второе полугодие 1995 года. Хорошо известно, что именно во втором полугодии провалились все начинания до сих пор попытки финансовой стабилизации. Известно, что в этом году эта угроза будет стоять ещё острее, чем когда бы то ни было раньше, потому что, помимо всех сезонных и общеполитических факторов, будет работать ещё фактор предвыборный.

Тем не менее я бы все же рискнул высказать оптимистический прогноз: за всю историю российских реформ Россия никогда не была настолько близка к глубинному оздоровлению экономики и финансовой стабилизации, как сейчас.

Первое. Мы завершаем работу в Государственной Думе над законом об акционерных обществах, и есть реальный шанс найти компромиссное решение, которое позволит принять этот закон ещё до лета этого года. Закон ориентирован прежде всего на защиту прав акционеров, на обеспечение реальной открытости информации о деятельности акционерных обществ, на резкое ограничение возможностей манипуляции собственностью со стороны директоров предприятий.

Второе. Не дожидаясь этого закона, в настоящее время мы завершаем работу над реконструкцией двух ключевых постановлений правительства, хорошо известных специалистам, 61-го и 78-го, регламентирующих права акционеров и порядок работы российского рынка ценных бумаг. Оба этих постановления были одобрены на последнем

заседании Комиссии по ценным бумагам. И я думаю, они будут приняты правительством.

Помимо мер юридической поддержки прав акционеров, мы, в со-

ответствии с лучшими советскими традициями, используем меры административного давления. В настоящее время по поручению Госкомитета по управлению имуществом во всех регионах местные комитеты по управлению имуществом осуществляют глубокую проверку ведения реестров акционеров акционерных обществ, ориентируясь на самые жесткие меры наказания по отношению к тем директорам, которые нарушают их ведение. Справедливости ради, надо сказать, что нарушение порядка ведения реестров сегодня является массовым, почти сплошным.

О политике валютного курса. Общим принципом всего того, что мы делаем в последние месяцы и будем делать в последующие, является сочетание глубины самих преобразований с плавностью их хода. Мы не применяем и не будем применять никаких мер революционного характера, которые способны резко влиять на ситуацию, даже если мы убеждены, что это мероприятие будет положительным. Мы видим по реальной тенденции, что стабилизация на валютном рынке произойдет не потому, что правительство приказало рублю стабилизироваться, а потому, что сами экономические процессы выведут

его на реальный стабильный уровень, и произойдет это достаточно быстро, может быть, даже быстрее, чем многие эксперты предсказывают.

М.Олсон: Мы хотели иметь здесь, на конференции, различные взгляды и точки зрения от людей из различных стран и от людей, которые представляют различные слои политического спектра.

И вот это расхождение точек зрения, естественно, проявилось. И мы рады этому обстоятельству.

Но я хотел бы предложить, дамы и господа, то, что существует также некоторое единство на этой конференции, которое, может быть, и не очевидно на поверхности. Чтобы увидеть это единство, надо начать с рассмотрения роли альтруизма и самоинтересов на рынке.

Мы, конечно, не должны никоим образом пренебрегать важной ролью альтруистского поведения. Это нечто, что проявляется во всех аспектах жизни. Каждый день учит нас, что акты доброты — это распространенное явление.

Поэтому, анализируя рынок, мы не должны полагать, что в нем существуют только эгоистические интересы. Мы должны также отметить, что существует идеалистическое и альтруистическое поведение. Но, тем не менее, это идеалистическое или альтруистическое поведение никогда ни в каком обществе, о которых мы знаем, на протяжении всей истории не давало возможность крупным обществам быть производительными. Единственное, каким образом вы можете добиться эффективности, и производительности, и инициативы — это можно было сделать только с помощью вознаграждения. И чем больше работа общественно полезна, тем больше должно быть вознаграждение.

Это, конечно, точка зрения не оригинальна, все понимают ее здесь. Но я хотел бы провести параллель о роли эгоистических ин-

тересов и альтруизма не в связи с бизнесом. Я хотел бы на минуточку взглянуть на роль эгоистических интересов и альтруизма в политическом поведении, в поведении людей, которые участвуют в лоббировании политических процессов, поведении официальных лиц в правительстве и бюрократов, когда они выполняют свои официальные функции.

Многие люди действуют в рамках политической системы. И многие официальные лица в правительстве и политики приносят какие-то значительные жертвы иногда для того, чтобы развить свою концепцию, свое понимание общественных интересов. Но поскольку ни в одном обществе никогда не удавалось иметь продуктивную экономику, если не существовало вознаграждения за хорошую работу, то мне кажется, что ни одна политическая система точно так же не сможет хорошо действовать на основе только идеализма.

Нам необходимо понять политику и правительства, которое вовлекает в свою деятельность такого же рода людей, которые участвуют в ведении бизнеса, работают на рынке, и тех людей, которые действуют в политике и в правительствах, но частично имеют эгоистические интересы, частично они идеалисты, так же как и другие люди, работающие в сфере бизнеса.

Иногда бывает даже полезно посмотреть собственные интересы в их самых темных проявлениях, как, например, преступность и коррупция.

Я также утверждал в своем докладе*, которым открывалась эта конференция, что, рассматривая эгоистические интересы диктаторов, мы можем узнать о том, что же происходило в ходе истории. И если мы посмотрим на Сталина и советскую систему с точки зрения эгоистических интересов диктаторов, мы можем рассмотреть это с другой точки зрения, под другим

углом. Я утверждал, что, когда мы рассматриваем это таким образом, мы можем понять, почему советская система, установленная Сталиным, насаждала преступления и коррупцию. Я утверждал, что в обществе, где диктатор или Политбюро обладают всем, им принадлежит все, что это единственные люди, у которых есть стимулы охранять собственность, а это является деморализующим фактором. Я также утверждал, что когда существуют экономические планы, которые действуют против интересов всех остальных, то тогда все остальные вступают в сговор против каких-то правил.

И когда я говорю, что существуют оседлые бандиты и они отбирают слишком много, то жертвы этих оседлых бандитов постараются отобрать у них что-то обратно.

В конечном итоге процессы sclerosis приводят к такой ситуации, где крупные государственные государства становятся в какой-то степени лоббирующими группами, и, конечно же, мы должны понять, что вот это лоббирование является не просто альтруизмом, нет, лоббирование очень часто имеет элемент эгоистических интересов.

И поэтому мы должны понять проблемы общества в переходный период. Они происходят из факта того, что крупные предприятия в течение долгой советской истории становились неэффективными в качестве производящих единиц, но были значительными и мощными в качестве лоббирующих групп.

С приходом демократии эти лоббирующие группы вышли из прикрытия и приводили к созданию отрицательных сил в политической системе.

Рассматривая правительство, и политику, и политическое поведение, нам необходимо признать эгоистические интересы хотя бы в качестве человеческой мотивации, так же как и альтруистическую часть.

* Доклад Мансура Олсона редакция "Открытой политики" собирается опубликовать полностью в ближайших номерах журнала.